

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПРАВА И ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ МЕТАФИЗИКИ*

С. П. РАБИНОВИЧ**

Рецензия на монографию украинского правоведа А. В. Стовбы «Темпоральная онтология права» (СПб., 2017) содержит критический анализ основных положений авторской философско-правовой концепции, бросающей вызов традиционным подходам к пониманию права. Основываясь на неклассической философии права (онтологии права М. Хайдеггера, правовой феноменологии, правовом экзистенциализме и правовой герменевтике), автор противопоставляет «правовой метафизике» (юридическому позитивизму и деонтологическому естественному праву) собственный подход, обозначенный в работе как «темпорально-онтологический». Центральным тезисом темпорально-онтологической концепции является утверждение о том, что право изначально существует как дискретное множество сингулярных правовых происшествий. В рецензии раскрываются противоречия, возникающие между экзистенциалистскими и социологическими аспектами авторского правопонимания. Выявляется связь отдельных положений темпоральной онтологии права с социологическим правовым позитивизмом и с метафизической правовой онтологией. В темпорально-онтологической концепции место классической метафизики естественного права занимает метафизика неклассическая. При этом метафизичность представляется необходимой и неизбежной особенностью такого осмысления права, которое стремится к познанию его сущности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деонтологические концепции естественного права, онтологические концепции естественного права, эмпирические подходы к пониманию права, социология права, феноменология права, правовая метафизика.

RABINOVICH S. P. TEMPORAL ONTOLOGY OF LAW AND THE PROBLEM OF OVERCOMING LEGAL METAPHYSICS

Review of the monograph of the Ukrainian legal scholar A. V. Stovba "Temporal Ontology of Law" (St. Petersburg, 2017) critically analyses the main provisions of the author's philosophical and legal concept. The latter challenges traditional approaches to interpretation of law. Based on the non-classical philosophy of law (ontology of law by M. Heidegger, legal phenomenology, legal existentialism as well as legal hermeneutics), the author sets his own "temporal-ontological" approach against "legal metaphysics" (legal positivism and deontological natural law). The temporal-ontological concept is focused on the statement that law initially exists as a discrete set of singular legal events. The review shows

* Рецензия на монографию А. В. Стовбы «Темпоральная онтология права» (СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2017. 355 с.).

** Рабинович Сергей Петрович — доктор юридических наук, профессор, Львовский национальный университет им. Ивана Франко.

Sergej P. Rabinovich — Dr. Sc. in law, Professor, Lviv National University named after Ivan Franko.

E-mail: serg_rabin@yahoo.com

© Рабинович С. П., 2017

УДК 340.12

contradictions between existential and sociological aspects of the author's understanding of law. It reveals the connection between certain provisions of the temporal legal ontology and the sociological legal positivism as well as the metaphysical legal ontology. According to the temporal-ontological concept, classical metaphysics of natural law is replaced by non-classical metaphysics. Metaphysics is turned out to be a necessary and inevitable feature of such understanding of law that is striving for cognition of the essence of law. **KEYWORDS:** deontological concepts of natural law, ontological concepts of natural law, empirical approaches to the understanding of law, sociology of law, phenomenology of law, legal metaphysics.

Сакраментальный вопрос о соотношении «бытия» и «сознания» сегодня уже вряд ли может претендовать на статус основного вопроса философии: в постмодернистском дискурсе, отдающем предпочтение полицентричности, поиск иерархически значимых оснований философствования ассоциируется с методологическим тоталитаризмом. Подобное стремление избежать поиска единых и общезначимых основ философствования присуще и современной философии права. Тем не менее в сфере правового философствования продолжают существовать вопросы, относящиеся к разряду фундаментальных, к которым, несомненно, принадлежит и эксплицированный Кантом вопрос о соотношении сущего и должного.

В противовес кантовскому деонтологическому различию, последовательное применение которого в конечном счете приводит к превращению права в «удаляющийся призрак без плоти и души» (Г. В. Мальцев), непозитивистское (или же естественно-правовое) понимание права обретает наиболее полное развитие в онтологических концепциях, исходящих из представлений о неких бытийных первоосновах нерасчлененности материального и идеального измерений права.

Естественно-правовая онтология, с одной стороны, ставит «вечные» вопросы, избежать ответа на которые сегодня нередко пытается секулярный рационализм: вопрос о единстве правовой реальности и о наличии предельных оснований такого единства. В связи с этим примечательно, что начиная со времен досократиков онтологическое правовое философствование представлено взглядами и концепциями, имеющими мистическую окрашенность. Вместе с тем онтология естественного права тесно связана с онтологией социального бытия, с осмыслением ряда особенностей и сфер общественного существования человека, регионов человеческого бытия в качестве *правовых*. Поэтому на первый взгляд парадоксальными, но, по сути, вполне объяснимыми являются социологизированные трансформации онтологических концепций естественного права.

Оба обозначенные выше вектора развития правового познания — метафизический и социально-эмпирический — неизбежно возникают перед правоведом, создающим непозитивистскую правовую онтологию на основаниях философской неклассики, в которой особое место занимает творческое наследие выдающегося и яркого мыслителя современности Мартина Хайдеггера.

Обращение к идеям немецкого философа сегодня актуально не только потому, что осуществляемые отдельными авторами (В. Майхофером, частично Э. Фехнером, Р. Марчичем и др.) попытки построения правовой концепции на базе учения Хайдеггера до сих пор не получали продуктивного развития в современном правоведении. Дело также и в том, что в творчестве именно этого мыслителя, резко полемизирующего со всей предшествующей философской традицией, европейский рационализм возвращается к своим проторациональным, дологосным истокам.

Все сказанное, как представляется, свидетельствует о знаменательности выхода в свет рецензируемой монографии А. В. Стовбы — работы, представляющей собой основанное на концептуальных подходах М. Хайдеггера и ряда смежных философских направлений (правовой феноменологии, правового экзистенциализма и правовой герменевтики), оригинальное и дискуссионно заостренное философско-правовое произведение, бросающее вызов ряду традиционных подходов к пониманию права.

Таким вызовом является уже исходное положение монографии, открыто отрицающее научный статус философии права: в отличие от общей теории права «философия права не является наукой. Она по своей сути направлена не на выработку способов обращения с правовым сущим, но на поиск смысла бытия права» (с. 13). Значимость этого утверждения, переданного всему дальнейшему авторскому разысканию, трудно переоценить, поскольку именно оно очерчивает круг используемых в дальнейшем средств философско-правового познания.

Как известно, Хайдеггер упрекал новоевропейскую традицию рационалистического мышления в утрате почтения к сокрытости истины бытия — к *алетейе*. Нельзя не признать серьезность этого упрека. Безоглядное стремление овладеть истиной и сделать ее инструментом достижения прагматических целей становится характерной чертой западной философской мысли, во многом определяя ее идентичность. В то же время философствование предполагает скорее вопрошание об истине, чем представление неких «истинных» рецептов, скорее углубленное апофатическое размышление о ней, нежели использование наперед заданных стандартов нахождения истины. Отсюда познавательная ценность способов этого вопрошания, самого вопрошания, последовательно осуществляемого тем или иным способом. При этом не только понятийные, но и образные средства философского познания, используемый автором язык могут оказаться значимыми и содержательно нагруженными. Эта особенность, отличающая философию от науки в ее позитивистском понимании, характеризует в том числе и сферу правового философствования.

Существенно, что кроме рационалистического сциентизма авторское разыскание решительно противопоставляется и так называемой правовой метафизике. Согласно Хайдеггеру, метафизическими следует считать философские течения, исходящие из самостоятельности существования сверхчувственного мира. Экстраполируя такой подход на правовую сферу, А. В. Стовба относит к правовой метафизике концепции, постулирующие

«абсолютное наличие» (абсолютное «бытие-долженствование») права (с. 47): правовой (легистский) позитивизм и классическое естественное право. Не оспаривая принципиальной допустимости такой квалификации и несколько забегая вперед, укажем, что, с нашей точки зрения, отнесение термина «метафизический» исключительно к деонтологии права не устраняет проблемы метафизичности в правовых построениях онтологического характера.

После предварительного раскрытия философско-методологических основ исследования (разд. I) и переосмысления этапов истории развития европейской философско-правовой мысли с точки зрения их соотношения с правовой «метафизикой» (разд. II и III), в заключительном разделе монографии автор обосновывает собственную концепцию права, обозначенную как *темпорально-онтологическая*.

Итак, обратимся к основным положениям темпоральной онтологии права.

Исходя из бесперспективности поиска «права как такового» на уровне сущего, поскольку окказионально обрести правовой способ бытия может всякая «вещь», автор обращается к вопросу о том, каким образом возможно «отыскать нечто правовое “в самом деле” (происшествии, акте, факте, ситуации), правовая природа которого не зависела бы от акта правотворчества либо “естественных законов”» (с. 277).

Речь идет о таком особом «повороте в делах», когда смысл происходящего становится собственно — только и исключительно — *правовым*, отсекая *на время* иные (моральные, экономические, религиозные и др.) возможности целостного смыслового осмысления соответствующего происшествия. Использование термина «правовой» указывает тут не на предикативную принадлежность «правового характера» некоему эмпирическому сущему (субъекту или объекту), а лишь на правовую релевантность такого сущего, его относимость к праву как на некую «способность “положить начало и конец” правовому происшествию — “делу”». Так, автор утверждает, что «убийство немедленно превращает людей в “преступников”, “свидетелей”, “потерпевших”, вещи — в “доказательства”, “орудия преступления”, тексты — в “нормы закона” и пр.» (с. 281, 278–279).

Развивая идеи правового экзистенциализма и, думается, опираясь на общие номиналистические установки, исследователь отстаивает мысль о том, что исходным правовым феноменом является «дискретное, сингулярное и *уникальное* правовое происшествие» («дело») (с. 7, курсив наш. — С. Р.). Такое происшествие начинается и оканчивается деянием — действием или бездействием человека.

В поиске ответа на вопрос о том, что именно делает деяние правовым, автор обращается, с одной стороны, к построениям П. Рикера, Э. Левинаса и Б. Вальденфельса, а с другой — к гипотезе известного российского философа права И. Д. Невважая об ущербе как системообразующем факторе, тематизирующем совершаемые людьми акты как правовые (с. 287). На основании синтеза идей упомянутых мыслителей в книге утверждается: правовая относимость деяния заключена в том, что последнее «имманентно

несет в себе возможность причинения ущерба и направлено на Другого как Любого, когда на месте каждого может оказаться и Третий» (с. 297).

При этом признается, что хотя конкретные пределы и правовые последствия деяния заданы соответствующей культурной, исторической и др. ситуациями, «все они воплощены в том общем пределе, которым выступает Другой “как он есть передо мной”». Автор подчеркивает, что данная фигура в описании правового происшествия «фактически замещает собой классическую норму права, задавая меру нашему поведению, причем не только и не столько некими авторитетными предписаниями, сколько самим фактом и способом своего бытия» (с. 284–285). С последним замечанием можно согласиться, понимая под «классической нормой права» предписание именно государственного закона. Имеется в виду не уникальный и неповторимый Другой как участник лично окрашенного нравственного отношения, а взаимозаменяемый и типичный «Любой» в его бытии как покупателя, водителя, преподавателя и др.: «Действуя по отношению к Другому и ожидая отношения к себе, в сфере права нам следует действовать и оценивать поступки Других без всякой скидки на индивидуальные особенности: что мы были бы в подобной ситуации должны Любому и что мы могли бы требовать от него» (с. 285). Итак, речь тут идет фактически о некоем соционормативном образе «Другого», не сотворенном законодателем, а вырабатываемом и воспроизводимом социальной практикой.

В этом важном пункте, «перебрасывающем мост от естественно-правовой философии к социологии права» (Г. В. Мальцев), усматривается внутреннее напряжение, возникающее между экзистенциалистскими и социологическими аспектами правопонимания, — особенность, на которую сам автор справедливо обращает внимание в параграфах, посвященных В. Майхоферу и Р. Марчичу. На наш взгляд, *уникальность* каждого «дела» противостоит как «взаимозаменяемости» социальных ролей всех «Других» / «Третьих», так и типичности происходящих «дел». Потому даже с позиций экзистенциального правопонимания право должно рассматриваться как совокупность происшествий, не только в чем-то уникальных, но при этом также непременно *типичных*. Вопрос лишь в том, не ослабляет ли признание важной роли социальных оснований тематизирования права (а следовательно, признание необходимости его социологического осмысления) первоначальный фундаментально-онтологический заряд авторского построения.

Уже упомянутое напряжение неявно наличествует, на наш взгляд, и в тезисе о бытийной «разомкнутости» и «экзистенциальной полноте» в сфере частноправовых отношений. Вряд ли оправданно говорить о такой «полноте» применительно к взаимозаменяемым и отчужденным рыночным статусам продавца и покупателя, заказчика и подрядчика и т. д. Тут, как нам кажется, имеет место присутствующая уже в трудах В. Майхофера романтизация способа существования человека в развитой экономической и дифференцированной правовой системе.

В свою очередь, исчезновение правового характера сущего, вовлеченного в правовое происшествие, увязывается не с любым деянием,

а лишь с таким, которое «в определенном роде “соразмерно” [первичному] действию либо бездействию, послужившему “толчком” для обретения сущим правового характера». Особо оговаривается, что «эквивалентность первичного и вторичного деяний может быть *установлена* чем угодно: законом, обычаем, прецедентом, соглашением сторон... Значение для превращения сущего из “правового” в “обычное” имеет лишь сам факт подобного соответствия» (с. 279–280).

Автор обращает внимание читателя на то, что его целью является не изложение неких «вечных и абсолютных содержательных правил», но лишь установление некоего алгоритма, который позволил бы описать «динамический смысловой инвариант происходящего» (с. 286). Разумеется, такой «дистиллированный» инвариант не может не быть общим и формальным, поскольку должен быть относимым ко всем эмпирически возможным сферам и видам правового регулирования.

Однако на таком предельно абстрактном уровне рассмотрения право может быть достаточно четко отличимо лишь от индивидуальной морали/нравственности. Попытка же маркировать границы сферы права без обращения к социальным эмпирическим критериям не позволяет, в частности, различить юридическое регулирование, общественную мораль/нравственность. Ведь требования двух последних социальных регуляторов универсальны не в меньшей степени, чем требования права. Поэтому фигура «Любого» присутствует во всех трех упомянутых выше формах социальной регуляции. Относимость одновременно к юридической и к моральной сферам касается также *соразмерности*, а забегая вперед, отметим, что в определенной степени это касается также и *своевременности* (ср., напр., пословицу «Дорога ложка к обеду»).

Важно, что «немедленно» превратить людей в «преступников» могут отнюдь не формальное причинение смерти и не некий общий алгоритм совершения абстрактного «убийства», но лишь конкретно-исторические и ценностно-плюралистичные социальные представления о поступках, относимых к «убийствам». Оценка же некоего физического поведения людей в качестве юридически значимого «договора», «кражи» либо «убийства» — иначе говоря, *сам факт их совершения*, — также может *устанавливаться* на основании разных социальных источников (как закона, так и обычая). Поэтому немаловажная оговорка о множественности социальных источников соразмерности вполне совместима с позициями социологической юриспруденции.

Далее, обращаясь к «самому естеству происходящего», а именно к *связи* между деянием и его правовыми последствиями, автор подчеркивает, что такая связь «носит не причинно-следственный и не формально-логический, но темпорально-онтологический характер». Она проявляется как своеобразное «притяжение», когда совершенное деяние «как бы “притягивает” свои правовые последствия, попутно вовлекая в правовое существование сущее: людей, вещи, тексты и т. п.» (с. 299).

По мысли исследователя, этим своеобразным «притяжением» («тягой») сущему задается собственно правовой способ бытия, в силу чего

последнее и именуется в работе *правовым бытием*. Автор подчеркивает, что такое бытие «не есть бытие правового сущего (бытие права) но так называемое “чистое” бытие, помысленное без опоры на сущее». Напротив, как утверждается в работе, «лишь в силу подобной тяги, т.е. притяжения между деянием и его правовыми последствиями, всякое конкретное сущее может стать правовым» (с. 299). Идеалистически интерпретированная «тяга» — это «чистая динамичность права, помысленная без примеси сущего» (с. 309). Смысловым основообразом «притяжения» является восполнение *ущерба*, возможность причинения которого содержится в первичном правовом деянии, — ущерб, выражающегося для участников происшествия в эмпирической («онтической») либо экзистенциальной неполноте («изъятие в разомкнутости их бытия друг с другом») (с. 302–303).

Таким образом, в рассматриваемой концепции место деонтологического различия между сущим и должным занимает хайдеггерианское правовое различие бытия и сущего в праве: «бытия права» и «правового сущего». Такая дистинкция, как утверждает автор, основана, в свою очередь, в различии «бытия права» и «чистого правового бытия». Обе дистинкции, обозначаемые соответственно как «онтологическое» и «постонтологическое» правовые различия, играют роль смысловых координат, позволяющих описать искомый «алгоритм возникновения и исчезновения права» в правовом происшествии («деле»).

Последнее онтологически представляет собой «целостное единство правового бытия (“тяги”) и бытия права (бытия правового сущего)» (Там же). Речь идет, таким образом, о единстве *правового смысла* происходящего, метафорически описываемого как «притяжение» последствий к совершенному деянию, и эмпирического *проявления* происходящего.

Категория «правового бытия» как «тяги» — изящная феноменологическая метафора, в которой вынесены за скобки все эмпирические причины, определяющие положение дел в конкретной правовой ситуации. Понятое таким образом «притяжение» оказывается лишь мыслительным инструментом, который сам по себе еще никак не помогает, однако, сбиться праву в социальной реальности.

Нельзя не согласиться с необходимостью наступления правовых последствий как со *смысловой* необходимостью, необходимостью в некоем нормативном *смысле*. Отсюда, видимо, возникает образное обозначение связи между деянием и его последствиями как некоего онтологического, смыслового «притяжения». Однако, исходя из феноменологических установок, кавычки в слове «притяжение» вряд ли могут быть раскрыты, поскольку это потребовало бы уже эмпирически объяснить факты *несбывания* права и то, что «деяния, содержащее в себе свои правовые последствия», на практике вызывают такие последствия лишь вероятностно.

По мысли автора, хотя бытие права и правовое бытие пребывают в единстве, само правовое сущее лишь помогает сбиться правовому бытию (с. 313). Поэтому не вполне ясно, существуют ли *необходимые* не только в идеально-смысловом, но и в эмпирическом отношении факторы (условия), позволяющие праву сбиться. Ведь если на уровне правового

сущего нет места коррелятам «притяжения», то весь «правовой способ бытия» остается лишь в автономной, «параллельной» по отношению к эмпирической правовой действительности, реальности. Причем, отметим, реальности не менее «метафизической», чем трансцендентная реальность правового «должного».

Если же вести речь не только об идеальной, но и о материальной «тяге», можно ли объяснить особенности ее действия без обращения к бытийным силам, как способствующим, так и препятствующим наступлению соразмерных правовых последствий (интересам, эмоциям, ориентациям и пр.)? Ответ на этот вопрос находится уже, по-видимому, за пределами собственно феноменологического разыскания, обнаруживая тем самым его имманентную методологическую ограниченность.

Признание укорененности правового «притяжения» в *устройстве нашего бытия* подтверждает, что именно общественное существование людей как эмпирических общественных существ является подлинным истоком возникающих и функционирующих в процессе межсубъектной коммуникации идеально-смысловых, в том числе правовых феноменов, а сама практика соционормативной регуляции служит источником соответствующих правовых представлений (с. 284, 305). Но без обращения к эмпирико-социологическим подходам к праву, к институциональным механизмам юридической регуляции, к реальным социальным потребностям и интересам «чистое» феноменологическое разыскание сохранит лишь формальный и абстрактный характер.

«Притяжение», о котором идет речь, «вершится во временном разрыве между деянием и его правовыми последствиями», что непосредственно вводит в авторское рассуждение повествование темпоральное измерение.

Если «правовое бытие» «представляет собой темпорально-онтологический (т. е. смысловой) горизонт бытия данного эмпирически “правового сущего”», то смысловым горизонтом самого правового бытия выступает, в свою очередь, темпоральность: «Правовое бытие как тяга сбывается из времени как горизонта правового бытия». Квинтэссенцией онтологического построения является темпоральный тезис: «Право существует исключительно в том временном промежутке, который отделяет деяние, релевантное в правовом отношении, от его правовых последствий, исчезая после их наступления». Таким образом, само право «изначально существует как дискретное множество сингулярных правовых происшествий» (с. 225, 341–342). Итак, термин «право» является лишь собирательным обозначением для совокупности ряда сингулярий — отдельных правовых происшествий, «дел». При этом свойство «правовой релевантности» (относимости к праву) только *логически* предшествует деяниям, составляющим такие происшествия. Онтологически же истоком права выступает именно отдельное, индивидуальное дело.

Задавая вопросом о том, каким именно образом происходит притяжение правовых последствий к совершенному деянию, автор выдвигает предположение, что поиск ответа на него лежит в плоскости времени

(с. 306). Термин «время», однако, тут обозначает не линейное хронологическое, но особое «экстатическое» время, понимание которого требует обращения к идеям Хайдеггера. В отличие от хронологического времени «экстатическое» время «не континуально, когда каждое “теперь” плавно перетекает в последующее, но дискретно, когда между отдельными “теперь” существует пауза, зазор». Во времени правового происшествия три традиционные измерения времени (прошлое, настоящее, будущее) «не последовательно сменяют друг друга, но, будучи взаимонаправлены, временят одновременно» (с. 307–308). Иначе говоря, имеется в виду не объективное время как составляющая пространственно-временного континуума, но время как характеристика смысловой «направленности» происходящего — «будущее» либо «прошлое».

С такой точки зрения правовые последствия деяния «не есть то, чего еще нет», поскольку «весь горизонт (“веер”) возможных правовых последствий» неким образом «уже содержится в самом деянии как почине правового происшествия. Собственно то, что деяние вызывает именно определенные (а не какие угодно) правовые последствия, исходно обусловлено тем, что они уже имманентно *содержатся* в деянии (здесь и далее курсив в цитатах наш. — С. Р.)». При этом «явная, эксплицитная заброска в будущее того веера возможных последствий, которые вызвало совершенное деяние, в свою очередь предполагает имплицитное, скрытое соответствие (соразмерность) происходящему *лишь одного* из этих последствий, каковое и “должно” наступить для того, чтобы происходящее было исчерпано, а право — произошло. То, какое именно правовое последствие оказывается соразмерным тому, что было содеяно, может быть выявлено лишь в настоящем, когда деяние своевременно “встречает” свое последствие» (с. 309).

В контексте всего сказанного нам представляется особенно важным положение о том, что «весь горизонт (“веер”) возможных правовых последствий уже *содержится в самом деянии* как почине правового происшествия», причем правовое происшествие «равноисходно *содержит в себе* как возможность происшествия права, так и того, что права не произойдет — и тогда не будет никакого права» (с. 7). Процитированные высказывания вызывают вопросы, касающиеся способов сопряжения онтологического уровня разыскания с онтическим.

Во-первых, подразумевается ли в тезисе о «горизонте (веере)» последствий, «содержащихся в деянии», лишь эмпирическое многообразие связей между поведенческими актами и нелинейный характер зависимостей между ними, вследствие чего на практике возможно как наступление различных правовых последствий, так и их фактическое ненаступление? Или же, напротив, выражение «содержит в себе» указывает на идеальную связь между смыслами понятий «правовое деяние» и «последствия правового деяния»? В последнем случае при идеально-смысловой интерпретации авторского тезиса «определенные последствия содержатся в самом деянии» речь уже вряд ли может идти о каком-либо смысловом «многообразии» последствий, поскольку в ходе процедуры феноменологической

редукции таковое должно, как кажется, выноситься за скобки. Но в первом случае (к которому, собственно, мы и склоняемся) связь между «деянием» и его «последствиями» может быть только каузальной, причинно-следственной, что не согласуется с заявленной автором темпорально-онтологической природой «притяжения». Гипотетически можно вообразить, впрочем, вариант, когда осмысление некоего действия как «убийства» тем самым уже предполагает некий веер определенных типичных соразмерных ему последствий (например, «лишение свободы на определенный срок»), но при этом *не* предполагает, допустим, «взыскания штрафа» как последствия заведомо несоразмерного. Однако конкретизация связи между первичным и вторичным деяниями неминуемо будет либо априорной и поэтому произвольной, либо же основанной на описательной, позитивистской социологии права.

Во-вторых, приведенными выше положениями, утверждается «посюсторонность» существования права в форме «материального» социального происшествия — разделенных временным промежутком первичного и вторичного (встречного) правовых деяний. Сведение права к конкретному правоотношению вполне типично для правового экзистенциализма. Признание же того, что право сбудется только при условии, что таким актам будут *de facto* присущи конкретно-исторически социально обусловленные качественные характеристики «соразмерности» и «своевременности», опять же привносит в авторское построение элементы социологического позитивизма: ведь содержательно и «своевременность», и «соразмерность» являются продуктами социальных установлений. Но тогда не оказывается ли наступление или ненаступление права ничем иным как результатом социальной конвенции?

Тезис о том, что своевременная «встреча» деянием «своих» последствий *позволяет выявить*, «какое именно правовое последствие оказывается соразмерным тому, что было содеяно», вызывает закономерный вопрос о конкретных способах такого выявления (они, как представляются, могут быть прежде всего эмпирическими). Вместе с тем утверждение о скрытом соответствии происходящему *лишь одного* из возможных последствий указывает уже не просто на эмпирическое, но и на идеальное, метафизическое в традиционном понимании этого термина измерение происходящего. Именно в этом, онтологическом измерении только и может существовать скрытое соответствие между поведенческими актами, позволяющее назвать *только один* из них соразмерным последствием другого.

Вообще, кажется, что ничто не мешает назвать такое единственное правовое последствие также подлинным и истинным. Но в этом случае на место кантианского дуализма сущего и должного неминуемо заступает иной дуализм: множественности «явных» эмпирически возможных последствий и уникальности скрытого, но в принципе тоже эмпирически возможного последствия содеянного. Именно в уникальности и сокренности единственного правового последствия метафизика, «выставленная за двери, возвращается через окно», подтверждая тем самым собственную

неизбежность и принципиальную неустранимость из философско-правового разыскания.

Тут темпорально-онтологическая концепция права оказывается на распутье между социологическим правовым позитивизмом и метафизической правовой онтологией, в которой место классической метафизики естественного права занимает метафизика неклассическая. Метафизичность представляется необходимой особенностью осмысления права, не ограничивающегося описанием его эмпирических проявлений, но стремящегося проникнуть в его сущность. Впрочем, возможно, именно пребывание в этом знаменательном эпистемологическом пункте позволяет феноменологической философии права, к которой относится рассматриваемая концепция, сохранить собственную идентичность, обозначив при этом и метафизически сокрытую тайну права.

Таким образом, авторская концепция А. В. Стовбы являет собой весьма интересный и несомненно заслуживающий внимания пример разработки важнейших вопросов бытия права. Наличие в работе ряда спорных положений не только указывает на возможные направления дальнейшей разработки концепции, но и, несомненно, подтверждает многогранность того поистине грандиозного и неисчерпаемого для познания феномена, который представляет собой право. Надеемся, что поставленные выше вопросы могут стать поводом для дискуссии о методологических возможностях и имманентных пределах применения феноменологической стратегии в правовом познании.

В заключение добавим, что, несмотря на сложность рассматриваемых проблем, книга написана увлекательно и ярко, содержит множество примеров из юридической практики, наглядно иллюстрирующих положения темпорально-онтологической концепции права. Издание также очень изящно и привлекательно оформлено, что позволит читателю получить не только интеллектуальное, но и, бесспорно, эстетическое удовольствие от ознакомления с рецензируемой монографией.

Литература

Стовба А. В. Темпоральная онтология права. СПб: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2017. 355 с.

References

Stovba A. V. *Temporal'naia ontologija prava [The Temporal Ontology of Law]*. St. Petersburg, Editorial house «Alef-press», 2017. 355 p.